

Чжао Цзянсюэ вернулась в эту квартиру, пропитанную духом старины, и испытала странное чувство. Всё было таким знакомым, но в то же время неуловимо иным, однако в чём именно заключалась эта разница, она сама сказать не могла.

Впрочем, её часто поражало, как можно жить настолько отрешённо, будто бы отсекая все земные чувства и привязанности. В доме курился сандал, звучали буддийские песнопения — казалось, хозяйка стремится полностью отгородиться от мирской суеты.

Чжао Цзянсюэ чувствовала, что даже в даосском монастыре, где она выросла, не было такой ледяной тишины, как у Нань Чуцин. Это место напоминало обитель для духовных практик: стоило войти, как любые желания мгновенно угасали.

Да и сама Нань Чуцин, казалось, не имела ничего общего с понятием желаний. Она напоминала снежный лотос, растущий на вершине заснеженной горы, — одинокая и далёкая от этого мира.

За три месяца работы Чжао Цзянсюэ постепенно изучила повседневную жизнь своей начальницы. Она обнаружила, что у Нань Чуцин почти нет личной жизни: она редко общается с друзьями и почти всё время посвящает работе. Даже в выходные она почти не выбирается на встречи. Казалось, кто-то другой составил для неё расписание свободного времени, чтобы она не умерла от скуки.

Если бы не этот график, она, вероятно, вообще не знала бы, чем заняться, и даже телефоном пользоваться не стала бы. Она напоминала куклу: никаких интересов, никакого общения, словно персонаж, застрявший в декорациях игры.

Если бы Чжао Цзянсюэ не знала о паре исключений из этой странной рутины, она бы решила, что Нань Чуцин — робот. Помимо работы, у неё было два постоянных обязательства. Первое — свидания вслепую по вечерам в пятницу.

Чжао Цзянсюэ узнала об этом случайно. Казалось, Нань Чуцин не могла отказаться от этих встреч, но сама явно не хотела на них ходить, поэтому никогда не просила Чжао Цзянсюэ подвезти её туда.

Всё выяснилось, когда однажды в пятницу Нань Чуцин нужно было попасть на встречу в довольно отдалённое место, а на следующее утро предстояли переговоры, к которым она не успела подготовить все данные. График был настолько плотным, что Нань Чуцин пришлось попросить Чжао Цзянсюэ отвезти её в ресторан.

После того случая, когда они разговорились, Нань Чуцин стала звать её с собой, если им приходилось ужинать вне дома, и со временем это вошло в привычку. Поэтому, когда Нань Чуцин отправилась на свидание, Чжао Цзянсюэ просто села за соседний столик.

Она услышала весь разговор от начала до конца.

Разумеется, свидание закончилось провалом.

Второе обязательство — компания друзей, которые раз в неделю звали её в бар. От этого она тоже не могла отказаться. Поэтому каждую неделю Чжао Цзянсюэ отвозила Нань Чуцин к бару и ждала её на перекрёстке.

Однажды из любопытства она тайком заглянула внутрь и увидела Нань Чуцин, сидящую в центре диванной зоны. С обеих сторон от неё пустовали места, друзья сидели вокруг, но не приближались. Она сидела тихо, изредка пригубляя вино или произнося пару слов, совершенно не вписываясь в атмосферу бара.

Честно говоря, видя Нань Чуцин одну посреди толпы, Чжао Цзянсюэ почувствовала необъяснимую жалость. Она вспомнила, как однажды увидела Нань Чуцин по пути в супермаркет — та выглядела такой одинокой.

Хотя, находясь среди людей, она сохраняла привычное выражение лица, не было ли у неё на душе тоски?

Чжао Цзянсюэ хотела спросить, но не решилась.

За три месяца работы Чжао Цзянсюэ освоилась, зарплату ей подняли на две тысячи, но она всё равно жила в режиме жёсткой экономии.

Она полностью приспособилась к работе и была ею очень довольна. Поняв ритм жизни начальницы, она даже находила время, чтобы разрабатывать небольшие игры на продажу. Со временем она обязательно добьётся финансовой независимости.

Единственное, что раздражало Чжао Цзянсюэ, — отсутствие личного времени. Она была обязана оставаться на связи 24 часа в сутки.

Однако сегодня у Чжао Цзянсюэ были дела, и ей пришлось отпроситься. Она предупредила Нань Чуцин за неделю, та молча кивнула. Три дня назад она напомнила снова, на что Нань Чуцин ответила: Угу, знаю.

Но когда Чжао Цзянсюэ уже собиралась выйти из кабинета, Нань Чуцин вдруг спросила: Тебе нужно отлучиться на весь день?

Э-э... Что за вопрос? Не хочет отпускать? Чжао Цзянсюэ в недоумении посмотрела на неё. Та смотрела в ответ, взгляд её оставался чистым и ясным, из-за чего Чжао Цзянсюэ почувствовала себя неловко. Нет, не весь день.

В любое время можно? — уточнила Нань Чуцин. Она помолчала секунду и добавила: Насчёт того дела.

Да, — тихо ответила Чжао Цзянсюэ.

Что ты собираешься делать в тот день?

У меня есть дела, нужно съездить в одно место.

Это что-то важное? — вопрос был излишним; если бы это не было важно, Чжао Цзянсюэ не стала бы так настойчиво проситься.

Но Нань Чуцин хотела знать.

Да, очень важно.

Чжао Цзянсюэ стала подчёркнуто серьёзной. Нань Чуцин впервые видела такое выражение на её лице и очень хотела спросить, что именно происходит, но не стала.

Она чувствовала, что не имеет на это права.

Хотя она могла бы допросить её как начальница, ей этого не хотелось.

Вчера Чжао Цзянсюэ снова напомнила ей, и Нань Чуцин ответила: Поняла.

Но сегодня утром, когда Чжао Цзянсюэ собралась уходить, Нань Чуцин окликнула её.

Босс, у меня сегодня дела, — напомнила Чжао Цзянсюэ.

Вечером отпущу, — небрежно бросила Нань Чуцин. — Сначала отвези меня в район Байюй.

Чжао Цзянсюэ хотела возразить, но Нань Чуцин не дала ей шанса. Пришлось проглотить недовольство.

День выдался суматошным, дела навалились как спрессованный архив: совещания шли одно за другим, и только к семи вечера удалось выдохнуть. Наконец, закончив работу, они спустились на подземную парковку. Чжао Цзянсюэ не выдержала: Босс, у вас ещё есть дела? Если нет, я ухожу!

Уже так поздно, куда ты собралась? — Нань Чуцин закрыла ноутбук и положила руки на колени.

У меня дела, — Чжао Цзянсюэ начинала злиться.

Разве ты не собиралась в одно место?

Да! — она подавила гнев.

Поехали.

А?

Чжао Цзянсюэ взглянула в зеркало заднего вида. Нань Чуцин откинулась на спинку кресла, её холодное лицо разгладилось, выражение было совершенно расслабленным.

Э-э...

Неужели она собирается ехать с ней?

Это уже перебор. Весь день она была занята, не обращая внимания на её состояние, а теперь ещё и это. Чжао Цзянсюэ совсем не хотела её везти.

Хотя машина и не её.

Видя, что та молчит, Нань Чуцин подняла взгляд на зеркало и как раз заметила, как Чжао Цзянсюэ недовольно поджала губы.

Это выглядело забавно и даже мило. Нань Чуцин спросила: Что не так?

Её голос звучал мягко, явно в состоянии после работы.

Чжао Цзянсюэ вдруг подумала: может, весь этот бешеный ритм сегодня был нужен лишь для того, чтобы Нань Чуцин успела переделать все дела и поехать с ней?

Если она так хотела составить ей компанию, почему нельзя было сказать сразу? А впрочем, она же трудоголик, к тому же скрытная — такое поведение вполне в её стиле.

Стало даже смешно, и, странное дело, это показалось милым.

Чжао Цзянсюэ завела мотор и направилась к цели. Ей нужно было в деревню Синвай за пределами Шэньчэня. До центра было далеко, ехать предстояло больше двух часов.

Деревня Синвай, хоть и называлась деревней, находилась рядом с процветающим Шэньчэнем и была довольно развитой. Поскольку она располагалась не в центре, цены на жильё там были ниже, поэтому многие приезжие рабочие и выпускники вузов снимали там квартиры.

Чжао Цзянсюэ, однако, там не жила.

Чем дальше они отъезжали от города, тем тише становилось, машин на дороге почти не было. Вокруг стало больше деревьев, а по обочинам замелькали поля, которых не увидишь в городской черте.

Чжао Цзянсюэ никогда не включала музыку в машине — не то чтобы она не хотела, просто не знала, нравится ли это Нань Чуцин. Дома та иногда слушала сутры, а если включить их за рулём, Чжао Цзянсюэ уснёт.

Когда Нань Чуцин не работала, она иногда открывала окно, и в тишину салона врывались звуки внешнего мира. Но за городом стало тихо, лишь изредка слышался вой ветра и шум шин, что было не особо приятно. К тому же октябрьский ветер был холодным, и Нань Чуцин вскоре закрыла окно.

В машине воцарилась тишина. После съезда с главной дороги улицы стали тусклыми. Под фонарями иногда попадались тележки с шашлыками и прозрачные палатки, где сидела молодёжь, или продавцы печёного батата... Шэньчэн — город, где не бывает снега, но даже здесь зимой можно было продрогнуть до костей.

Нань Чуцин взглянула на Чжао Цзянсюэ, одетую в тонкую толстовку, и слегка нахмурилась. Было видно, что ей холодно. На ней были летние джинсы, а обувь, хоть и новая, выглядела дешёвой.

Я ведь подняла ей зарплату, почему она продолжает так экономить?

Нань Чуцин не понимала. Она отвернулась к окну, глядя на проезжающих мимо парней на скутерах — все они были одеты теплее, чем Чжао Цзянсюэ.

Машина выехала на широкую дорогу, ярко освещённую фонарями, но здесь не было палаток с едой. По обе стороны тянулись густые деревья, из-за которых пробивался свет, намекая на скрытые в глубине виллы.

Когда машина повернула на перекрёстке, сердце Нань Чуцин вдруг бешено заколотилось.

Она узнала это место.

Два года назад здесь, в одной из вилл, убили студентку, которую содержал её третий дядя. Убийцу так и не нашли.

Почему Чжао Цзянсюэ приехала именно сюда? Нет, возможно, она просто проезжает мимо.

Сердце Нань Чуцин билось всё быстрее: тук, тук-тук, тук-тук-тук. Хотя внешне она оставалась спокойной, руки невольно сжались в кулаки.

Только бы не остановилась здесь.

Только бы не остановилась здесь!

Она пристально смотрела вперёд, пока та самая отвратительная вилла, словно призрак, не возникла перед ними и не замерла на месте.

Почему ты не едешь дальше? — вырвалось у Нань Чуцин.

<http://bllate.org/book/22463/2363265>